

ДРАКУЛА В СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРАХ (РУССКОЕ «СКАЗАНИЕ О ДРАКУЛЕ-
ВОЕВОДЕ» И «СЛАВЯНОСЕРБСКИЕ ХРОНИКИ» БРАНКОВИЧА)

Образ Дракулы в анонимной русской повести XV в. (автор — предположительно дьяк Федор Курицын) — подобно другим повестям того времени о валашском воеводе — определяется весьма специфическим поэтологическим обстоятельством. А именно: хотя сохранились письма Дракулы (на латыни и церковнославянском) [Bogdan; Florescu, McNally, p. 215—217], но в XV в., как и ранее, в Валахии не велось хроники — ни княжеские, ни монастырские, и о Дракуле свидетельствовали современники-иностранцы (немецкие, венгерские, поздневизантийские, русские сочинения). Построены эти произведения при помощи общего композиционного приема: их авторы, отказавшись от хронологического порядка, излагают отдельные достопамятные «анекдоты» — деяния или речения валашского воеводы. «Дракулеские» анекдоты имели хождение в официальной дипломатической среде и, возможно, восходили к устным преданиям [Яцимирский, с. 29]. Как бы то ни было, такое происхождение обуславливало связь книжных повестей о воеводе с фольклором и определило мифологический потенциал образа Дракулы [Михайлова, Одесский, с. 63—65]. Эти соображения применимы и к русской повести, и к «Славяносербским хроникам» Георгия Бранковича.

Граф Георгий (Джордже) Бранкович (1645—1711) хорошо известен специалистам (в 1911 г. вышла посвященная ему монография И. Радоница). Представитель знатного рода, потомок сербских деспотов, младший брат трансильванского митрополита Савы (в XX в. канонизирован Румынской Православной церковью), он был заметным государственным деятелем. Участвовал в освободительной борьбе балканских народов, претендовал на роль правителя вассального сербского государства, которое намеревалась организовать Австрия, но ситуация изменилась, Бранкович был арестован австрийскими властями и скончался в чешском городе Хебе. (В свите старшего брата Бранкович при царе Алексее Михайловиче посещал Москву, позднее контактировал с русскими дипломатами.)

На склоне лет, будучи отлучен от политики, Бранкович составил «Славяносербские хроники». Этот монументальный труд регулярно удостоивался краткого реферирования в историко-литературных обзорах, однако только сейчас ученые приступили к его публикации. Издание готовит лингвист Анна Кречмер (Венский университет)¹. По ее словам, информацией о хронике она обязана учителю — академику Н. И. Толстому, который указал список памятника, хранящийся в Библиотеке Сербской патриархии². Издание рассчитано на пять томов. В первый том (Белград, 2008) вошли первые три книги хроники. Здесь Бранкович повествует о происхождении славян, о государственной и церковной истории Византии начиная с императора Константина Великого, о миссии Кирилла и Мефодия, об истории сербов при Неманичах. Второй том (2011) содержит четвертую книгу, где описаны события последней трети XIV — первой трети XVI в. — покорение турками Балкан. Планируется, что в третьем и четвертом томах будет представлена финальная пятая книга, а в последнем томе — научное исследование хроники.

«Славяносербские хроники» не просто очередной исторический источник, но уникальный памятник славянской словесности. Во-первых, замечателен язык хроники — экзотический вариант церковнославянского языка, требующий специального скрупулезного изучения. Во-вторых, историческое повествование часто перемежается обстоятельными экскурсами в различные области знания: географию, генеалогию, богословие, лингвистику. В-третьих, Бранкович имеет обыкновение указывать источники, из которых почерпнул факты. В-четвертых, в центре внимания писателя-политика (по крайней мере, в четвертой книге) не столько история какого-либо государства, сколько магистральный исторический сюжет — роковое противостояние с турками, что создает свободную от национальной фрагментарности картину балканской трагедии. В-пятых, Бранкович — при ясной конфессиональной позиции — сосредоточен на прагматическом установлении причинно-следственных связей. Среди персонажей «Хроник» фигурирует и Дракула.

Для Бранковича история Валахии — звено в истории борьбы с турецкой агрессией. Он представляет запутанные интриги, которые плели лихорадочно «подсживающие» друг друга воеводы, маневрируя между католической Венгрией и мусульманской Турцией; симпатии писателя, бесспорно, на стороне тех воевод, которые выбирали войну с Турцией, что, впрочем, отнюдь не делает автора венгерским апологетом.

В этом контексте Бранкович (в отличие от русского автора «Сказания») вводит в повествование отца Дракулы — валашского воеводу Влада II. Влад II принял участие в неудачном крестовом походе 1444 г. против турецкого султана Мурада II, возглавляемом королем польским и венгерским Владиславом и воеводой Яношем Хуньяди. В королевский лагерь и прибыл «Влад, воевода Влахозапаланской

¹ Джордже Бранкович. Славяносербские хроники / Изд. подг. А. Г. Кречмер. Белград, 2008—2011. Т. VII—VIII. (Отделение языка и литературы. Критические издания сербских писателей.) — Издание имеет титул на сербском и русском языках. Ср. рецензию: [Одесский].

Джордже Бранкович. Славяносербские хроники. Т. VII. С. 10.

(Валашской. — М. О.) и Молдавской земли, который назывался и Дракул; муж этот отличался правдою великою и праведным рассуждением, и сильною крепостью в любой ратной брани, всегда царем повелительным выступал и признавался. Малым своим воинством он, с великодушием, и премудростью, и благонароचितым мужеством своего воинства, войну с турками, которую вся христианская сила не сможет выдержать без договоров и помощи от внешних народов, многие годы выдерживал и непрестанно воевал, и в державе его такие пагубы творились, что земледельцы в ней едва остались; этот Дракула воевода (!; Бранкович безразлично именует воеводу Дракул и Дракула. — М. О.), видя свою слабость и не желая в турецкую порабощительную службу впасть, к королевскому войску приходит, рассчитывая, что получит избавление от варварского нападения, если с Владиславом королем соединится...»³.

Валашский воевода, оценив опасное положение крестоносцев, старался советами «по правде и по здравому рассуждению» помочь, но его не послушали — и воевода, оставив королю небольшой отряд, удалился. Прогноз сбился: в битве под Варной крестоносцы потерпели катастрофическое поражение, среди погибших был также король. В 1447 г. уцелевший после разгрома Янош Хуньяди вступил в Валахию и казнил Влада II. Излагая (весьма неясные) подробности казни, Бранкович аккуратно сослался на авторитетный источник — латинскую историю Венгрии, составленную итальянским гуманистом Антонио Бонфини⁴.

Самого Дракулу автор «Хроник» впервые упоминает при описании войн с турками венгерского короля Матяша Корвина (сына Яноша Хуньяди): «...тогда Матиаш король венгерский, захотев присвоить рукою воинственною Влахозапланинскую страну, то есть Угровалахскую землю (лингвистический комментарий, свойственный ученому стилю Бранковича. — М. О.), туда наступает; Влахозапланинской землей обладал некто по имени Влад Дракулович (Влад III Дракулович, сын Влада II Дракула/Дракулы; имеется в виду его второе правление в 1456—1462 г. — М. О.), которому Матиаш король родственнику свою в жену дал и потому от Турок избавить понуждал ту область; Турки же, увидев, что Влад Дракулович вступил в согласие с королем венгерским, его предали изгнанию и на его место иного Дракуловича, родственника вышеназванного Дракуловича, поставляют воеводой и властителем Влахозапланинской земли (Раду Красивый, так же сын Влада II. — М. О.); Влад Дракулович же, несмотря на венгерскую помощь, сопротивляться Туркам не смог и бегством утекает в Семиградскую землю (Трансильвания. — М. О.); король же, разгневавшись, что тот не смог принять под власть Влахозапланинскую землю, в гневе схватил Влада Дракуловича воеводу в Семиградской земле и повелел в узилище в Будимский град доставить (Будапешт. — М. О.), где тому пришлось десять лет в заточении страдать; вспоминают этого Дракула за его неслыханное немилосердие и неправду; рассказывают, что когда пришли к нему турецкие посланники и по обычаю своей державы честно не захотели совершить клобукоснятие, то есть снять чалмы, на турецком языке — саруки (снова экскурс в компаративную лингвистику. — М. О.), то Дракул воевода повелел тремя железными клиньями чалмы к головам им пригвоздить, дабы твердо держались и потом никогда бы не снимались; без числа турецких людей на острые колья водрузив, между ними с возлюбленными своими весело пировать и сидеть изволил; впавших в нищету, просящих подаяние убогих и ленивых, больных недугами, также и нищетою своего имени лишившихся приняв на пир со славным веселием, потом, когда они винопитием и снедью обильно насытились, в огонь вверг и спалил; на захваченных в плен Турок, кожу с ног им содрал и язвы истолченной солью посолил, пустил коз, чтобы козы острым языком ноги их лизали и больше мучили; некий купец, то есть торговец, настойчиво пекся о сбережении своего имущества и высматривал где бы денежное богатство свое сохранить, торговец тот был из итальянского города Флоренция, Дракул же воевода повелел деньги положить посреди проезжей дороги, тот так и сотворил на целую ночь, а на другой день прямо и безо всякой лжи сообщил, что ничего не пропало и ровным счетом в целости и сохранности все есть, и был отпущен с миром; в той земле воевода столь грозный страх приумножил, что если бы кто захотел с имуществом посреди горного леса находиться, смело мог бы не опасаться печального ущерба; этому Дракуловичу воеводе Матиаш король вернул прежнюю власть (в 1476 г. — М. О.), однако же потом когда Дракулович воевода воевал против Турок, то был убит в ратной сече и была отсечена голова его и Мехмету царю турецкому отослана, о чем свидетельствует историк Бонфини»⁵.

Легко убедиться, что Бранкович излагает сведения о войне Дракулы с турками, венгерском плене и повторном возвращении в Валахию примерно так же, как русский писатель, и так же соединяет изложение исторических событий с «дракулескими» анекдотами. Прослеживается и сходное двойственное отношение к воеводе.

Казалось бы, автор «Хроник», анекдоты лишь кратко реферируя, выносит на их основе воеводе однозначный — особенно на фоне панегирического образа отца, Влада II, — приговор: «...вспоминают этого Дракула за его неслыханное немилосердие и неправду...» («**неуслышанием немилосердием, и неправдою бити сего Дракула васпоменуют**»). Однако Бранкович не забывает отметить и смягчающие обстоятельства, ведь «в той земле воевода столь грозный страх приумножил, что если бы кто захотел с имуществом посреди горного леса находиться, смело мог бы не опасаться печального ущерба».

³ Джордже Бранкович. Славяносербские хроники. Т. VIII. С. 138—139. Здесь и далее — перевод мой.

⁴ Там же. С. 147.

⁵ Там же. С. 244—247.

Знаменательно, что при этом автор «Хроник» употребляет словосочетание «грозный страх», которое переключается с русским «Сказанием»: «...только грозен бысь»⁶. Исследователи русской повести придавали эпитету «грозный» большое значение. Так, по А. А. Зимину [Зимин, с. 396–400], описание Валахии в «Сказании» (то есть в годы правления Мехмеда II Завоевателя) напоминает турецкие порядки (установленные Мехмедом Завоевателем же), которые в XVI в. пропагандировал (ссылаясь на слова молдавского воеводы!) И. С. Пересветов, используя притом термин «гроза» (ср. знаменитые слова Магмета-султана: «**Без таковыя грозы не мочно в царство правды вести**»⁷).

Повторно Бранкович прибегает к эпитету «грозный» применительно к Дракуле, когда пишет, что король Матьяш Корвин «во утверждение мира с Турками Дракуловича воеводу во узилище держал, Туркам весьма грозного супостата, ими часто воспоминаемого; Турки же Дракуловича узнали, от него многжды напрасные мучения принимая и бегству прежде придаваясь, прикривленнозренными очами на него взирали и тем более мир с Венграми совершить тщились...»⁸. Здесь — в контексте общей концепции «Хроник» — эпитет «грозный» уже явно хвалебный.

Более Влад Дракула-Дракулович в «Хрониках» не фигурирует, но тут начинается самое неожиданное. Согласно Бранковичу, в 1477 г. после гибели Влада III Дракулы молдавский господарь Стефан III Великий лишил власти «Радула воеводу, называемого и Дракулой» (то есть Раду Красивого) и поставил «одного из благоверных своих по имени Цепелюш начальствовать над народом влахозапланинским (Цепелюш — прозвище Басараба IV Молодого, правившего затем до 1481 г. — М. О.). ...после же поставления того Цепелюша народ влахозапланинский назвал его Влад Цепеш воевода...»⁹.

Что странно. Историки (и современные деятели массовой культуры) согласно убеждены, что «Влад Цепеш» (румынское «Кольщик», «Прокальватель») — это не Цепелюш, а Влад Дракула. И странно выглядит, что Цепелюш «**по поставленному же бившу**»¹⁰ переименован во «Влада Цепеша». Прозвище Цепелюш принято толковать не в качестве дубликата, но в качестве деривата от имени Цепеш — так сказать, «Цепеш-Последыш», продолжатель жестоких деяний исходного «Цепеша». Да и звали Цепелюша не Влад, а Басараб. Так что трудно избавиться от впечатления, что автор «Хроник» здесь контаминирует Басараба Молодого с Владом Дракулой или Владом IV Монахом, который в 1481 г. сверг Басараба, воеводствовал до 1495 г. и к тому же был братом Дракулы (о воеводе-расстриге Владе, без указания на его родство с Дракулой, идет речь в финале русского «Сказания»¹¹).

Снова Бранкович касается взаимоотношений валашских воевод, их имен и прозвищ, повествуя о событиях 1512 г. Когда воеводой стал успешный Нягое I Басараб (1512–1521), он столкнулся с оппозицией части бояр, которые, согласно «Хроникам», «избирают себе начальником Цепелюша или другими словами — Цепеша, которого великоименный Стефан воевода Влахомолдавский поставил обладателем Влахозапланинской земли...»¹².

Опять фантазмагорическая контаминация. Новый Цепеш-Цепелюш, разумеется, не Влад Дракула, но и не Басараб IV Молодой, который ранее так именовался. Теперь, оказывается, Цепеш-Цепелюш — воевода Влад V, сын Влада IV Монаха и племянник Дракулы.

И Бранкович признает свое бессилие перед генеалогическими хитросплетениями: «...однако нам не довольно ведомо, был ли прежде поставления Цепелюша кто-то по прозванию Цепеш воевода или из сыновей или родственников был тот Цепеш воевода, который был избран в соперники Нягое воеводе; достаточно нам, что во дни Нягое воеводы обретается его супостат Цепеш воевода, которого, как выше сказано, валашские бояре, бежавшие в Молдавию и Польшу, избирают...»¹³.

Действительно, призрак Цепеша-Цепелюша бродит по Румынии, и предлагать здесь простое толкование самонадеянно. Историки считают, что письменные источники фиксируют Цепеш как прозвище Влада III только в конце XV — начале XVI в.¹⁴ Однако это ведь может объясняться двояко: 1) прозвище существовало ранее — при жизни воеводы, отразилось в прозвище Басараба Молодого — Цепелюш, но в документы своевременно не попало; 2) прозвище — в условиях информационной румынской путаницы — «приклеилось» к Дракуле позднее и первоначально было связано с другим господарем.

В русском «Сказании» прозвища Цепеш нет, как нет и указания имени воеводы — Влад¹⁵. Зато, как известно, русское «Сказание» начинается со справки об этимологии имени Дракула: «**Бысь в**

⁶ Повесть о Дракуле / Исследование и подг. текстов Я. С. Лурье. Л., 1964. С. 118.

⁷ Сочинения И. Пересветова / Подг. текста А. А. Зимина. М.; Л., 1956. С. 153.

⁸ Джордже Бранкович. Славяносербские хроники. С. 253.

⁹ Там же. С. 295–296.

¹⁰ Там же.

¹¹ Повесть о Дракуле. С. 122.

¹² Джордже Бранкович. Славяносербские хроники. С. 368.

¹³ Там же.

¹⁴ См., например: [Andreescu].

¹⁵ Интересно, что имя Влад добавлено одним из копиистов XVIII в. (Повесть о Дракуле. С. 97).

Мунтянской земли греческия веры христианин воевода именем Дракула влашеским языком, а нашим диавол. Толико зломудр, яко же по имени его, тако и житие его»¹⁶.

Бранкович свою этимологическую версию включил в историю Нягое I Басараба. В «Хрониках» рассказано о начале карьеры будущего воеводы, которое состоялось «при дворе преблагого и предоброго вышеописанного Радула воеводы, называемого Дракуловичем»¹⁷. Это не Раду Красивый, сын Влада II, а Раду IV Великий (1495–1508), тоже, однако, правомерный Дракулович — сын Влада IV Монаха и внук Влада II Дракула/Дракулы.

Восхваляя происхождение Раду Великого, автор «Хроник» — по контрасту — упоминает и о недостойном представителе «лозы», «который прежде господствовал в валашском том народе, был одержим великим лютым немилосердием и крепко насилие творил (ср. выше о «неслыханном немилосердии и неправде». — М. О.), особенно против турецкого народа; знаменитые поругания и дивные казни делал, как выше на своем месте написано, и по причине таких немилосердных поступков, как Влахами, так Греками и Турками, Дракулой был наречен; так он был наречен не по толковательному разумению валашского языка, на котором это — враждебный дьявол, но по-гречески от своих сродников назван был Драконом, что по нашему разуметельному толкованию — дракон-змея, и те, кто боролись с Дракулой воеводой, такое жестокосердие вменяли ему, что уподобляли его нрав змеиному...»¹⁸.

По русскому «Сказанию», имя Дракулы открывает дьявольское «зломудрие»¹⁹; напротив, Бранкович прямо отвергает подобную религиозную интерпретацию в пользу рациональной, прагматической — не «зломудрие», а, так сказать, всего лишь «жестокосердие». И это «жестокосердие» (ср. «лютое немилосердие») объективно подчеркивается, несмотря на положительное отношение к заведенным Дракулой порядкам, сопоставлением с Владом II.

Итак, в обоих славянских текстах персонаж по имени Дракула функционирует в двойной нарратологической перспективе: как историческое лицо — в линейно-прагматической перспективе, как фольклорный герой — в кумулятивно-мифогенной перспективе. Но если русский книжник акцентировал скорее «дракулеский» анекдот, то Бранкович — при дверях Век Просвещения! — включенность в политическую историю, хотя вольно или невольно переносил в повествование и амбивалентную энергетику легенды.

Литература

- Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958.
Михайлова Т. А., Одесский М. П. Граф Дракула: опыт описания. М., 2009.
Одесский М. П. Граф Бранкович и Дракула воевода // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 2 (48). С. 121–122.
Яцимирский А. И. Повесть о мунтянском воеводе Дракуле в исследовании румынского ученого. СПб., 1897.
Andreescu St. Vlad Ţepeş (Dracula) între legendă şi adevăr istoric. Bucureşti, 1976.
Bogdan I. Vlad Ţepeş si naratiunile germane şi ruseşti asupra lui. Bucureşti, 1896.
Florescu R., McNally R. Dracula: A Biography of Vlad the Impaler, 1431–1476. N.Y., 1973.

¹⁶ Там же. С. 117.

¹⁷ Джордже Бранкович. Славяносербские хроники. С. 358.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См. толкование слова «зломудр»: [Михайлова, Одесский, с. 70–71].

